

УДК 321.01
ББК 66.01

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

А.В. Глухова

В статье сквозь призму аксиологического подхода анализируется ход общественной дискуссии о целях, путях и логике российской модернизации. Автор выявляет ценностные основания различных политических и электоральных позиций в данной дискуссии, связывает их с особенностями цивилизационного развития России. Перспективы усиления политических позиций сторонников модернизации связываются с возможностями расширения социального консенсуса на основе системы ценностей современных обществ.

Ключевые слова: *политическая модернизация, ценности, цивилизационные особенности, инверсия сознания, консерватизм, органическая модернизация, модернизационный проект, модернизационный дискурс, демократический консенсус.*

В политическом дискурсе России с недавнего времени обозначился новый мейнстрим под названием «модернизация». Тон в нем задан рядом выступлений президента Д. Медведева, в числе которых наиболее заметной стала статья «Россия, вперед!». В ней, а затем и в Послании Федеральному собранию 2009 г. Президент РФ расставил все точки над и в оценке состояния современного российского общества: неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ. Президент перечислил основные недуги страны: привычку существовать за счет экспорта сырья, коррупцию, разъедающую страну по причине чрезмерного присутствия государства во всех заметных сферах экономической и иной общественной деятельности, патерналистские настроения в обществе [8, с. 4]. Поэтому модернизационный проект – квинтэссенция президентского Послания – становится не просто актуальной, но насущной необходимостью для страны, если она не желает оставаться на обочине мирового развития.

Однако термин «модернизация» скрывает в себе различные значения: от индустриальной, энергетической, военной до финансовой, образовательной, политической модернизации. При этом важно понимать приоритетность того или иного измерения модернизационного процесса, обуславливающего совокупное воздействие всего множества факторов на его конечный результат. Очевидно, что за этим выбором стоит борьба различных социальных групп и политических сил, соотносящих свои интересы с перспективными проектами руководства страны. Уже сегодня в российской прессе зазвучали охранительные мотивы, доказывающие несвоевременность и даже ненужность политических инноваций. По словам известного публициста А. Ципко, «сама по себе модернизация политических институтов в России, по крайней мере, в той форме, в какой она была проведена в начале 90-х годов, не дала ни массового творчества, ни прорывов в науке, производстве, ни обновления качества жизни. Почему у нас сама по себе свобода не дает модернизации? Этот вопрос тщательно обходят идеологи модернизационного меньшинства, входящие в команду Медведева» [12, с. 3]. Обозначая далее свои идеологические пристрастия, А. Ципко утверждает, что так называемое «путинское консервативное большинство», которое действительно боится перемен, обладает куда большим здравым

смыслом, более развитым инстинктом самосохранения, чем идеологи «модернизационного меньшинства». Еще более ретроградную позицию обозначил председатель Конституционного Суда В. Зорькин, считая критику в адрес правительственных ведомств объявлением военных действий руководству государства [10, с. 1–2]. Эти две позиции достаточно ярко отражают интересы той части элиты, которая не хотела бы никаких перемен в политической сфере, и кого – под маркой сохранения стабильности – устраивает нынешнее положение вещей.

Между тем мировой опыт успешных модернизаций обозначает еще одно актуальное измерение этого процесса. В странах, где рыночные и демократические традиции были недостаточно развиты, а именно такие страны, главным образом, и сталкиваются с необходимостью модернизации, последняя оказывается сопряженной с привнесением в общественную жизнь институтов и норм, являющихся инокультурными, а иногда даже иоцивилизационными. Условием модернизации во многих случаях становится критическая переоценка национального прошлого и настоящего, изменения тех или иных черт национального характера, а результатом процесса – объективное снижение резкости межкультурных и межцивилизационных различий.

Вписать новое содержание в глубинное течение национальной жизни, внести в нее новые ценности и институты – задача объективно сложная и одновременно тонкая, требующая настойчивости, последовательности, но и большой гибкости, чтобы не дать национальной почве отторгнуть новое. При этом приходится все время держать под контролем и «гасить» неизбежно и постоянно возникающие в обществе противоречия и конфликты. Особенно опасной является ситуация, когда в полиэтничном сообществе побеждает национальная идея, неизбежно проявляющая себя межнациональной контрпродуктивной конфликтностью. Политические процессы в бывшей Югославии и Советском Союзе являются ярким тому доказательством.

Цивилизационной особенностью России всегда была промежуточность, маргинальность ее социокультурных генотипов, где не просто сочетались, но конфликтующе «ужи-

вались» инновационные и инерционные социокультурные комплексы. Лейтмотив ее исторического процесса – дисгармония этих двух систем ценностей, к которым она стремится адаптироваться. Поэтому и тип исторического движения России хромающий, пульсирующий, где периодически происходит столкновение с одними и теми же проблемами: выживания, расколов, государственной интеграции/дезинтеграции, мощных рывков вперед и стремительных откатов назад, взаимоотчуждения власти и народа.

Этот алгоритм исторического развития особенно отчетливо проявляется в периоды модернизаций, реформирования в специфических условиях России. В отличие от Запада реформы здесь создают волны дезорганизации, превышающие возможности общества их выдержать. Резко ухудшает ситуацию *раскол*, означающий, что различные системы ценностей в российском обществе находятся в состоянии самоотталкивания: при активизации одной системы возбуждается и противоположная, что усиливает конфликт между соответствующими группами вплоть до катастрофической дезорганизации всего общества. Поэтому в центр замысла любой реформы должна быть поставлена проблема преодоления раскола, ценностное обоснование реформы. «Раскол не является причиной контрреформ, он лишь мощный дополнительный источник энергии для них», – писал А. Ахиезер [1, с. 18].

Причиной срыва модернизационных процессов являются не инновации сами по себе, а их *неорганичный характер*, то есть механическое перенятие, не завершающееся новым синтезом, неспособность сформировать новые институты, регулятивные механизмы и новые уровни социальной общности. Соответственно, главной причиной срыва модернизации оказывается не сопротивление традиционной среды инновациям, а *отсутствие нового институционального уровня*, в рамках которого могло бы осуществляться продуктивное взаимодействие разнородных экономических и ценностных систем. Отсутствие такого синтеза чревато реакцией отторжения, срывами модернизации. С. Матвеева обращает внимание на то, что модернизация в России имеет глубокую специфику, связанную с тем, что общество «расколосось», поляризо-

валось, а ценностное разнообразие «обратилось не только в конфликт ценностей, но и в конфликтное столкновение цивилизационных типов» [5, с. 18]. Эти процессы глубоко раскололи и личность, так что серьезной проблемой России является «расколотый» человек.

Следствием этих явлений и процессов становится так называемый *инверсионный тип мышления и действия*. Для него характерно переворачивание аксиологических символов и ориентиров: левое – на правое, и наоборот, прогрессивное – на реакционное, многократная смена верований и позиций. Инверсионный тип мышления и действия подменяет цель средством и превращает средство для решения той или иной задачи в самостоятельную цель. Так в современной России рассматриваются рынок, демократия, тип общественной системы («капитализм» – «социализм»), «вертикаль власти» и т. д. Такой тип мышления и поведения исходит из дихотомической сущности явлений и процессов, перманентно заменяя «плохое» на «хорошее» и всякий раз провоцируя смуту, кризисные процессы, разрушение старого без созидания нового. Это серьезно затрудняет процессы *рационализации мышления*, прагматизм в принятии решений и их реализации, а иррациональные действия оказываются преобладающими и крайне деструктивными.

Таким образом, прозвучавшие на самом верху призывы к модернизации, на наш взгляд, должны быть адресованы в первую очередь социокультурной подсистеме политической системы, поскольку именно она призвана обеспечить контур обратной связи для выработки сбалансированных и компетентных решений, адресованных уже различным другим общественным сферам в целях оптимизации их деятельности. При этом развитие политической системы, как это формулирует президент, является не подспорьем, не «служанкой модернизации страны» (Г. Павловский) [4, с. 2], но ее совершенно необходимым условием. Без существенной трансформации политической системы, в первую очередь ее нормативно-ценностной составляющей, Россия по-прежнему будет значиться в числе наиболее коррумпированных стран и выполнять роль сырьевого придатка мировых экономических гигантов, теряя саму перспективу однажды оказаться в их рядах. Поэтому Послание Президента

имеет очевидный социальный подтекст – обращение к разным социальным группам, которые могут стать коалицией в поддержку программы масштабных преобразований.

Однако реформирование политической системы пока нельзя назвать общенациональным проектом, поскольку существенные сегменты правящей российской элиты и ориентированные на них социальные слои и группы не спешат оказать ему действенную поддержку. Речь идет главным образом об интересах самой консервативной части государственной бюрократии и олигархического капитала, связанных с наиболее прибыльными сырьевыми отраслями российской экономики. Эта часть правящей элиты хотела бы сохранить инерционный тип экономического развития, обеспечивавшего ей власть и доходы, и опасалась «инновационной перестройки», угрожавшей подорвать ее общественно-политическую гегемонию. «Политика правящего режима мотивировалась не интересами развития национальной экономики, а получением максимальной нефтегазовой сверхприбыли, обогащением правящей элиты, укреплением ее доминирующего положения в системе собственности и власти, – пишет Ю. Красин. – Социально-классовые ограничители этой политики прикрывались патриотическими лозунгами и идеологическими мифами о России как «энергетической сверхдержаве» [3, с. 485]. Прямым следствием подобного курса стали неудержимый рост социального неравенства, почти сословное расслоение общества, размывание социально-политической и нравственной базы общенациональной солидарности, усиление авторитарных тенденций и, как следствие, сужение креативного потенциала инновационного развития общества.

Нефтегазовые доллары обеспечили властной элите достаточные ресурсы для амортизации противоречий и поддержания социальной и политической стабильности в обществе, покоящейся на негласном «общественном договоре» между властью и населением страны. «Подобная состыковка “верхов”, приверженных к гламуру, и “низов”, приобщающихся к соблазнам “потребительства”, создает не лучшую атмосферу для формирования трудовой этики и стимулирования экономического роста», – полагает Ю. Красин [3].

Тем не менее, несмотря на трещины, порождаемые кризисом, этот негласный договор долгое время сохранялся в силу устойчивой социально-психологической инерционности мышления и поведения, политической апатии широких слоев населения, а также ввиду отсутствия в политическом пространстве сколько-нибудь убедительной альтернативы нынешнему режиму власти, способной вызвать доверие и массовую поддержку в обществе.

Именно эти элитные группы и ориентированные на них социальные слои А. Ципко и называет «консервативным путинским большинством». На январском (2010 г.) заседании Госсовета, посвященном развитию политической системы, лидер «Единой России» В. Путин подтвердил свою охранительную позицию. По его словам, политическая система – это не жидкий студень, она не должна дрожать при малейшем к ней прикосновении; нужен здоровый консерватизм [2, с. 3]. Вместе с тем очевидно, что консервативные идеологические установки «партии власти» мало соответствуют целям и потребностям предложенного президентом Д. Медведевым модернизационного проекта.

В дискурс вокруг ценностных оснований модернизации внес свой вклад и президент. По мнению Д. Медведева, движению России вперед мешают широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Желание «делать себя», достигать шаг за шагом личных успехов не является, по его мнению, нашей национальной привычкой. «Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешенные вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений. Общественное согласие и поддержка обычно выражаются молчанием. Возражения очень часто бывают эмоциональными, хлесткими, но при этом поверхностными и безответственными» [6].

В этой связи любопытно отношение президента к традициям, оценка им консерватизма не самого по себе, а в контексте решения тех задач, которые сегодня стоят перед Россией. Признавая значительное влияние традиций, президент подчеркивает, что они, вписываясь в каждую новую эпоху, все же претерпевают изменения. Некоторые из них просто

исчезают. Да и не все они полезны. «Для меня традиции – это только неоспоримые ценности, которые надо беречь. Это межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу. А взыточничество, воровство, умственная и душевная лень, пьянство – пороки, оскорбляющие наши традиции. От них следует избавляться самым решительным образом» [6]. Президент справедливо подчеркивает, что современная Россия не повторяет собственное прошлое. Наше время по-настоящему новое, потому что открывает перед страной и перед каждым из нас огромные возможности, которых не было и в помине двадцать, тридцать, тем более сто и триста лет назад.

Благотворное влияние президентского Послания на содержание общественной дискуссии отмечают многие исследователи. В частности, по мнению сотрудников ИНСОРа, дискурс власти уже в значительной степени изменился. Ценности модернизации и обновления становятся в устах многих ее представителей практически безальтернативными. Главная опасность здесь – «забалтывание» модернизации, что тоже, к сожалению, отчасти происходит, особенно когда в рассуждениях о ней избыточный акцент делается на ее рисках или «сохранении стабильности».

Поэтому необходима активная пропаганда модернизации в целом и совершенствования политической системы в частности, и исключение даже имплицитной проповеди антимодернизационных идей, что подразумевает категорическое исключение «госзаказа» на фильмы, программы, даже имплицитно оправдывающие сталинизм, изоляционизм, авторитаризм; подготовку образовательных и просветительских программ об истории и идеологии российских модернизационных проектов, успешного опыта модернизаций в зарубежных странах; более широкое освещение опыта модернизационных проектов в курсах истории и обществоведения для средней школы; расширение форматов общественно-политических передач, посвященных проблемам модернизации с привлечением более широкого круга экспертов, в том числе критически настроенных по отношению к власти, но выступающих за модернизацию России [9, с. 58].

В случае если предложения экспертов ИНСОРа были бы приняты, российский политический дискурс обогатился бы теоретическими наработками и практическими выводами, полученными учеными-компаративистами на основе изучения регионального опыта успешных модернизаций. С этой точки зрения особого внимания заслуживает регион Юго-Восточной Азии, стремительные экономические успехи которого заставили весь мир говорить об азиатском экономическом чуде. Многие аналитики, изучавшие в последние три десятилетия этот удивительный феномен, пришли к выводу о том, что «конфуцианские» ценности, такие как устремленность в будущее, добросовестный труд, хорошее образование, личные добродетели и усердие, сыграли решающую роль в успехах Азии. Сегодня в Латинской Америке пытаются ответить на подобный же вопрос: если экономическую неразвитость, авторитарную политическую традицию и глубочайшую социальную несправедливость, характерную для стран этого региона, нельзя объяснить исключительно ссылками на империализм и зависимость, то в чем же подлинная причина всех этих явлений?

Ответ ученых заключается в следующем: экономические, образовательные и правовые реформы, столь необходимые для модернизации Латинской Америки, не станут эффективными до тех пор, пока им не будет предшествовать преобразование обычаев и традиций, всего сложного комплекса привычек, знаний, образов и форм, которые в совокупности составляют «культуру». Культура, в рамках которой латиноамериканцы сегодня живут и действуют, не является либеральной и тем более демократической. Хотя на континенте есть демократические правительства, но институты, рефлексии, менталитет Латинской Америки далеко не демократичны. «Они остаются популистскими, олигархическими, абсолютистскими, коллективистскими, догматическими, перегруженными социальными и расовыми предрассудками, совершенно нетерпимыми к политическим противникам и претендующими на худшую монополию из всех возможных – монополию на истину» [11; 13].

Каким же образом культура влияет на общественный прогресс?

Социологи выделяют 10 ценностей (установок, состояний ума), которые отличают прогрессивные культуры от статичных. Вот их перечень:

1. *Нацеленность в будущее.* Прогрессивные культуры устремлены в будущее, в то время как статичные культуры ориентированы на настоящее или прошлое. Нацеленность в будущее означает прогрессистское видение мира, предполагающее способность человека влиять на свою судьбу, вознаграждение добродетелей уже в этой жизни, позитивное видение экономики, в рамках которого постоянно наращивается богатство.

2. *Труд и успех.* В прогрессивных культурах, в отличие от статичных культур, труд и приносимые им плоды считаются главным фактором преуспевания. В обществах первого типа работа упорядочивает повседневную жизнь, а трудолюбие, творчество и стремление к успеху не только вознаграждаются финансово, но и приносят удовлетворение и самоуважение.

3. *Бережливость.* В прогрессивных культурах эта добродетель является матерью инвестиций (и финансовой безопасности), в то время как в статичных культурах в ней видят угрозу уравнилельным порядкам.

4. *Образование.* В прогрессивных культурах в образовании усматривают ключ к прогрессу, в то время как в статичных культурах оно считается второстепенной, элитарной ценностью.

5. *Поощрение способностей.* В прогрессивных культурах индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста; в статичных культурах эту роль выполняют социальное происхождение и связи.

6. *Общественная солидарность.* В прогрессивных культурах радиус общественной идентификации и доверия выходит за пределы семьи и охватывает более широкое социальное целое. В статичных же культурах общество ограничивается семейными рамками. Социальные системы с небольшим радиусом идентификации и доверия более склонны к коррупции, nepотизму, налоговому нарушению и не тяготеют к филантропии.

7. *Строгость этических норм.* Поведенческие кодексы, принятые в прогрессив-

ных культурах, обычно более ригористичны. По классификации организации «Transparency International», все передовые демократии (за исключением Бельгии, Италии, Тайваня и Южной Кореи) входят в число 25 наименее коррумпированных стран. Государства «третьего мира» в этом списке представлены лишь Ботсваной и Чили.

8. *Справедливость и честность.* В межличностных отношениях, отличающих прогрессивные культуры, эти качества являются наиболее ожидаемыми. И, наоборот, для статичных культур справедливость, подобно персональному успеху, представляет собой функцию, реализуемую только за деньги или в силу личных связей.

9. *Распределение власти.* В прогрессивных культурах власть обычно расщеплена по горизонтали, а в статичных культурах она сконцентрирована и реализуется вертикально. В данном отношении весьма характерен проведенный Р. Патнэмом анализ различий между Северной и Южной Италией.

10. *Секуляризм.* В прогрессивных культурах влияние религиозных институтов на общественную жизнь незначительно, в то время как в статичных культурах оно зачастую весьма существенно. В первых из них поощряются разногласия и плюрализм, а во вторых – ортодоксия и конформизм [11; 13].

Разумеется, перечисленные 10 факторов представляют собой обобщение и идеализацию, а в реальности культуры не бывают только «черными» и «белыми». Культурный спектр более широк, оттенки в нем зачастую перемешиваются. Едва ли есть страны, которые по всем показателям получили бы только «десятки» или «единицы». Но, тем не менее, почти все развитые демократии или отличающиеся высокими достижениями этнические и религиозные группы заслуживают куда более значимых показателей, нежели подавляющее большинство стран «третьего мира». Отсюда напрашивается вывод о том, что приоритетным фактором является все же стремление к развитию, а не культурные традиции как таковые. Конечно, каузальная связь между прогрессом и культурой довольно сложна и разнообразна. Могушество культуры, однако, явственно обнару-

живается в тех странах, где экономические успехи этнических меньшинств заметно превосходят достижения большинства, как получилось, например, с китайцами в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах. По свидетельству главного творца экономического чуда Малайзии, премьер-министра М. Мохаммада, малайзийским крестьянам, мелким торговцам и госслужащим было нелегко сделаться бизнесменами. «Им пришлось поменять свои культурные воззрения, претерпеть культурную трансформацию... Для этого требовалось измениться самому правительству, чтобы показать совсем новые принципы и подходы к работе. Проводились многочисленные семинары, тренинги, разрабатывались и внедрялись образовательные программы... Миллионы ринггитов были потрачены на создание и распространение новой культуры» [7, с. 173].

На наш взгляд, консолидация российского общества на основе ценностей и институтов демократии в целях решения задачи модернизационного рывка в принципе возможна. Однако для этого необходимо четкое понимание того, что величие и процветание страны не может обеспечиваться за счет граждан, их политических и экономических ограничений. В отличие от этапов индустриализации или урбанизации полноценные модернизации постиндустриальной эпохи в условиях несвободы в принципе не реализуются, и Д. Медведев прав, постоянно подчеркивая, что свобода лучше, чем несвобода, обрекающая страну на вечное отставание и геостратегические провалы – безотносительно к патриотическим и инновационным установкам ее руководства.

Однако процесс консолидации весьма сложен и многогранен. Известный немецкий политолог В. Меркель предлагает многомерную модель демократической консолидации, включающую 4 основных уровня:

- конституционная консолидация, то есть консолидация политических институтов: глава государства, правительство, парламент, судебная власть и избирательная система (макроуровень: структуры);
- репрезентативная консолидация, охватывающая территориальное и функциональное представительство интересов, в пер-

- вую очередь партии и межпартийные объединения (мезоуровень: акторы);
- поведенческая консолидация, то есть деятельность неформальных, в том числе потенциальных акторов: военных, крупных собственников, финансового капитала, предпринимателей, радикальных движений и групп (мезоуровень: неформальные политические акторы);
- демократическая консолидация политической культуры (микроуровень: граждане) [16, S. 416–417].

В отличие от своих оппонентов, президент осознает всю сложность модернизационного процесса и роль в нем политической и социокультурной составляющей. По его мнению, перемены к лучшему происходят лишь там, где есть «возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон. И в то же время могут брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке или городе, понимают, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [8, с. 4]. Сказанное подтверждает тот факт, что первоочередной задачей в России становится демократическая консолидация, по крайней мере, на культурном, поведенческом и репрезентативном уровнях, особенно после внесенных президентом новаций в региональный избирательный процесс. В полном соответствии с принципами системного анализа Д. Медведев видит политическую систему России предельно открытой, гибкой и внутренне сложной, адекватной динамичной и многомерной социальной структуре, отвечающей политической культуре свободных, критически мыслящих, уверенных в себе людей. Только такое состояние политической системы, включая ее ценностную составляющую, позволит ей выполнить роль главного механизма общественной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. Ценности общества и возможности реформ в России / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 1. – С. 17–27.
2. Билевская, Э. Аккуратно и не больно. Совет не рискнул дать старт кардинальной политической реформе / Э. Билевская // *Независимая газета*. – 2010. – 25 янв.
3. Красин, Ю. А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты / Ю. А. Красин. – М.: Ин-т социологии РАН, 2009. – 496 с.
4. Латухина, К. Президент сказал свое слово. Нам предстоит стать обществом умных, свободных и ответственных людей / К. Латухина // *Российская газета*. – 2009. – 13 нояб.
5. Матвеева, С. Я. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России / С. Я. Матвеева // *Социальный конфликт*. – 1994. – № 4. – С. 3–19.
6. Медведев, Д. Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Д. Медведев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413>. – Загл. с экрана.
7. Мохаммад, М. Путь вперед / Мохатхир Мохаммад; пер. с англ. Е. В. Морголь. – Минск: Харвест, 2009.
8. Послание президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // *Российская газета*. – 2009. – 13 нояб.
9. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010.
10. Самарина, А. Антиперестроечный манифест Валерия Зорькина / А. Самарина, И. Родин // *Независимая газета*. – 2009. – 14 дек.
11. Харрисон, Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре / Л. Харрисон // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. шк. пол. лит. исслед., 2002.
12. Ципко, А. Можно ли модернизировать хромую лошадь? / А. Ципко // *Независимая газета*. – 2009. – 16 дек.
13. Culture matters: How Values Shape Human Progress / L. Harrison, S. Huntington (eds.). – N. Y.: Basis Books, 2000.
14. Merkel, W. Gegen alle Theorien? Die Konsolidierung der Demokratie in Ostmitteleuropa / W. Merkel // *Politische Vierteljahresschrift*. – 2007. – Н. 3. – S. 416–417.

PROBLEMS OF RUSSIA'S MODERNIZATION IN THE ASPECT OF VALUE

A. V. Glukhova

The paper deals with the analysis of public debate on goals, ways and logic of Russia's modernization in terms of axiological approach. The author reveals axiological grounds of various political and electoral positions in the debate, relates them with the peculiarities of civilizational development of Russia. Prospects for strengthening political positions of pro-modernizers are related with the possibilities of expanding social consensus on the basis of a value system of modern societies.

Key words: *political modernization, values, civilizational characteristics, inversion of consciousness, conservatism, organic modernization, modernization project, modernization discourse, democratic consensus.*